Георгий Веник

ЦиклON

Шесть частей
со вступлением
и интерлюдией

осень, 2026

georgevenik.com

Цикл стихотворений

Содержание

— Вступление 3

I Ноктюрн 7

II Привкусы Имён 13

Песня о музе 16

· *Медь памяти* 20

III Встречные силы 21

Обратный взгляд 23

На полях 27

О движении 30

IV Поэз-Канал 37

Поэз-канал 38

О поэте 42

V На чём сидим 46

VI Война 60

Предисловие 60

Война 63

Эпилог 76

Послесловие 84

Вложенный лист

Шило на мыло 86

Примечания 89

Перед началом

Вступление

«Никогда не разговаривайте с неизвестными»
М. Булгаков

Циклон включён: идёт
Большая стирка,
Гудит водопровод,
Дрожит квартирка.

Сном, войлока плотней,
Музей обшило.
Звонок из-за дверей —
И сон как смыло.

Мокрей, чем пудель, гость
Стоит. Ни слова.
Прими лишь зонт за трость —
И роль готова.

Хоть классик не велел
Болтать с чужими,
Я всё ж не утерпел:
«Как ваше имя?»

«Your name?» — Нем, словно тень.
«Еси ли немец?»
«Wer bist…» — свербит — «…du denn?» [1]
Студен пришелец.

Под ним уже растёт
Пруд Патриарший:
А вдруг и вправду тот,
Кто всех нас старше?

Крещусь: «Изыди, бес!
Аминь, рассыпься!»
Ни с места. Не исчез.
Видать, ошибся.

Ты отпер томик —
И стены тают.
Я думал, это до…миг —
Меня листают.

Уж лучше б бес: ведь он
В плену сюжета,
А ты не подчинён
Перу поэта.

Попал я в переплёт,
А ты — вприпрыжку:
Хоть задом наперёд,
Хоть сразу в крышку.

Захлопнешь — и в циклон.
А дождь — по корке
Стучит со всех сторон,
Как в дверь каморки.

Ты — кров моих страниц
Прикрой полою:
Ведь я, как бедный Китс,
Пишусь водою. [2]

Хотя — кичусь! — средь птиц
Мне быть: я — ветер
Над морем черепиц,
Не камнем в Лете.

Мой сборник — синий кит:
Поёт — кто слышит?
Как Китеж, он звонит —
Волну колышет.

Уйду ли я на дно
Иль ввысь, как птица?
Пожалуй, прав был По:
Всё это снится. [3]

Нам только спать и спать.
Сомкнём ресницы —
И ветер вспять опять
Листнёт страницы.

Часть I

Ноктюрн

Мне завещал поэт:
«Возьми, не смяв, не спутав,
Растрёпанный букет
Из незабудок».

И я понёс не цвет —
Чужую думь,
Что сотню лет
Твердит заумь.

Пусть речь её темна,
А участь — зрима:
За словом жизнь видна
Неотменимо.

Явь въелась, как пятно,
И ей не выцвесть:
Проступит всё равно
Сквозь мел иль известь.

Пока хватает сил
И есть чернила,
Пишу, чем дорожил
И что сломило.

Так вот, читатель мой…
Кто ты мне, кстати:
Попутчик? Понятой?
Мой друг-читатель?

Веду тебя по дебрям
Густого слога
И всё твержу: «Потерпим» —
Ещё немного…

—

Кровавый плевок солнца
Засох на щеке двора,
Где рубахи разводят руками,
А в тазах, отмытых до донца,
Смыв с себя очертанье бедра,
Обрастают штаны облаками.

И пока простыни, перепутавшиеся
С теми, кто в них снуёт,
Пропускают сквозь белые внутренности
Локтей и колен переплёт;
Я снимаю с верёвки сорочку,
Надеваю — и город подкладкой
Вслед за мною вползает под ткань,
Выдавая мне тело в рассрочку
С переулком под левой лопаткой,
Выходящим на площадь-гортань.

Ветер тащит меня по двору волоком,
Рубцы души теребя,
Раскачивает, как колокол,
С языком из трепья.

Я тянусь из каменной сырости
Обступивших меня домов,
На мгновение пробуя вырасти
Из навязанных мне рукавов,
И, пока под рёбрами выстланы
Лёгкие грудною сладостью роз,
Из меня, как из комнаты, высланы
и Слово, и логос, и Сам Христос.

Я иду на железное, простуженное
Бормотанье водостока,
Как на имя, внезапно обнаруженное,
Звучащее так одиноко.

Я играю ноктюрн
на изъеденной до музыки жести,
ладонью зажав
прореху
в божественном фарсе, —
наперекор
смеху.
Кожа?
Пока на месте.
Твой выход,
Аполлон.
Я —
Марсий.

Умолк — а, по рёбрам железным звеня,
Распирая мне грудь, разжимая мне зубы,
Ветер дует в меня,
Как я — в водосточные трубы.

—

Читатель дорогой,
Ты ждёшь, я знаю,
Что я любой строкой
Замок взломаю,

Что возведу в квадрат
Больные числа
И выведу парад
Готовых смыслов;

Что шифр, которым сшит
Весь этот ворох,
Вдруг сам заговорит
Без оговорок.

Не торопи: пускай
Промокнут строки.
Здесь слёзы — через край,
Дожди — потоки.

Свой климат, свой закон,
Своя расплата:
Здесь дождь со всех сторон,
И крыша снята.

К разбитому пойдём
Корыту снова:
И небо — кверху дном,
Ни дна, ни крова.

И если всё учесть,
В сухом остатке —
Зола. Попробуй снесть
Её Петрарке.

Часть II

Привкусы Имён

Я тратил жизнь на сроки,
На общий ход времён.
А память знала щёки
И привкусы имён.

А сердце, словно повар,
Вскрывает гарманже.
Там — смех, бессонный говор;
Там — смерть настороже.

Там мыльный свет струится
С плеча на сгиб руки;
Речь плещется, дробится
На шёпоты, смешки.

Там в темноте зачатья
Шевелится рассвет;
Оттуда — до объятья
Могилы столько лет.

Орган гремит; и трубы
Зовут наперебой.
А это — только губы:
«Постой. Побудь со мной».

Ни молнии, ни грома —
Лишь нагота груди.
Но, раз коснувшись дома,
Попробуй отойди.

Луна черту косую
Кладёт на край окна.
Твои глаза целую,
А светит мне — она.

Лежат, смеются; в каждой
Стучит короткий час.
И этот смех однажды
Останется без нас.

Им невдомёк, какими
Ночами платим мы,
Чтоб сделать их живыми
Внутри своей зимы.

Их много, словно звёзды;
В стихе — одна звезда.
Я все ночные гнёзда
Переношу сюда.

Горите, как сгорали,
На медленном огне.
Вы в этих строках стали
Принадлежать лишь мне.

Из скомканной постели
Я сделал пьедестал;
Чтоб вы не постарели,
Я время обокрал.

И стал я вдруг спокойней:
Вся боль ушла в слова.
Как боровок на бойне.
А плоть ещё жива.

Песня о музе

Подойди и не бойся
Непричёсанных слов;
От молчанья отмойся,
Как от пыли веков.

Я спою — ты послушай,
Не суди наперёд:
Кто мне вывернул душу,
Тот во мне и поёт.

Я решил: отболело,
Раз уложено в стих.
Только пело всё тело,
Хоть я сам и затих.

Моя муза, как банши,
Возвещает беду;
То, что прятали раньше,
Вдруг стоит на виду.

Ни диплома из вуза,
Ни вступленья в союз;
В прошлом — просто обуза,
А сегодня — абьюз.

Ей бы выправить голос,
Ей бы выправить вид,
Чтоб ни трещин, ни сколов —
Только мраморный стыд.

Пахнет волей и ветром,
Не терпя колпаков;
Рассыпает пиретрум
На придворных клопов.

Мы её приручаем,
Приучаем молчать.
Мы ей горло сжимаем —
Нам самим не дышать.

Полюби эту власть
Без погон, без конвоя:
Ей бы в сердце попасть
И лишить нас покоя.

Своенравна, как птица,
Неудобна, как свет,
Всё равно просочится
Сквозь казённый запрет.

И ведёт нас по жизни
Через крики «умри»
И в ответ укоризне
Процветает внутри.

Ты прислушайся к песне,
Не спеши осудить:
Стало сердцу в ней тесно —
Значит, есть что будить.

Ты услышишь за пеньем
Свой же сдавленный смех:
За казённым терпеньем
Он скрывался от всех.

Ты беднеешь, ровесник,
Не в мошне — а в себе,
Если правда из песни
Не по нраву тебе.

Луна черту косую
Кладёт на край окна.
И я тебя целую,
А светит мне — она.

Интерлюдия

Медь памяти

Жизнь — на один билет,
А мы — двулики:
Вперёд глядим — на свет,
Назад — на блики.

Мы золото минут
На медь меняем.
Былые дни живут —
Мы исчезаем.

Медь — плата за провоз
На тот причал;
А ты её всерьёз
За жизнь считал?

Часть III

Встречные силы

Сад кожу сбросил в грязь;
Октябрь — снаружи.
И голых веток вязь
Дробится в луже.

Читатель, дверь прикрой.
К столу — поближе.
Здесь то, что под рукой,
Небес не ниже.

Не бес ли, друг,
В наш дом просился?
На оклик «друг» — тук-тук!
И вот — явился.

Ну, ладно. Чёрт с тобой!
Опять осечка.
Вернёмся в мир живой,
Где дышит свечка.

Кадильный уголь ал,
И ладан тает.
Дым пальцы обвязал —
Не отпускает.

На дым и на тепло
Приди, Эрато.
Всё то, что отжило,
Во мне распято.

Поддай-ка мне огня,
Не соблазняй Парнасом.
Пусть вырвет из меня
Стих с мясом.

Одни кричат: «На бис!»
Другие — хором:
«А ну-ка, провались!»
И щёлк — затвором.

Лист к ветке не пришить
Обратной строчкой.
А всё, чем дальше жить,
Не кончить точкой.

Ну что ж. Давай прочтём —
Не зря же звали.
А там и разберём,
Куда попали.

Обратный взгляд

Мне ли праздным острословьем
Заговаривать ожог,
Если память пахнет кровью,
Проступающей меж строк?

Мне ли возле чьей-то боли
Запираться на замок,
Если кто-то поневоле
Вынес то, что я б не смог?

Я касался лба доктрины,
Проверял и пульс, и жар:
За стеклом её витрины —
Человек или товар?

Куклам боль не докучает:
Дёрнул нитку — и веди.
Человек не отвечает?
Ты не нитку — пульс найди.

Хоть латынь учи, хоть инглиш —
Мир знаком до мелочей:
Те же лица снова видишь,
Слышишь хруст своих хрящей.

Даже космос станет тесным
В позолоте наших схем:
Неизвестное — известным,
Необъятное — ничем.

Мы, не вспомнив древней были,
Камень тащим на подъём;
И пока его катили,
Стал подъём для нас жильём.

А трагедию прикроет
Опереточный убор:
Кто-то плачет — кто-то строит
Из чужого плача хор.

Не баюкай душу, слышишь:
Боль и сласть — её удел.
Ты за ней не всё запишешь,
Даже то, что сам стерпел.

Сердце ходит в те пределы,
Где себе я был знаком,
И приносит всё, что тлело,
Но не сделалось стихом.

Сладость взлёта, горечь срыва,
Неотпущенная злость —
Всё, чем жил я торопливо,
Вновь прожить мне довелось.

Назовут бродягой — дервиш!
Назовут пройдохой — ишь!
Сам себе не всё доверишь,
Что в стихах проговоришь.

Я узор кленовой тени
Не замкну в строке навек:
Есть у песни продолженье —
Смертный, тёплый человек.

Не кончен разговор —
Не ставь печати.
Он выведет во двор
Из тьмы понятий.

А двор — расстрельный плац.
Пришли, приятель.
Здесь очередь — абзац,
Стрелок — читатель.

Эрато, отзови
Стрелка от цели:
Ещё теплы в крови
Апрель, капели.

Омой нам чёрный взгляд
В своей живой купели
И выведи назад —
A riveder le stelle. [4]

На полях

Мы не прочли супрематизм —
Квадрат сочли глухой оградой;
И вот за чёрною преградой
Октябрь разводит романтизм.

Квадрат не запирал простор.
Мы сами стены возводили
И чувство с цветом разводили,
Ведя о мёртвой форме спор.

И стих, как маленький росток,
Зелёной жилкой тронул слово.
Под коркой слышен пульс живого;
В сосудах веток стынет сок.

Серёжки веток, букли ив
И птиц прощальные рулады
Вдоль покосившейся ограды
Ведут свой путаный курсив.

Печать гриба на старой раме.
Стекло осыпалось давно —
И сад в раскрытое окно
Врастает мокрыми ветвями.

Политональный шум ветвей
Согласным хором нам казался;
А каждый ствол за свет сражался
В тугом сплетении корней.

Холст пьёт закат. А скипидар
Дерёт мне глотку. На мольберте
Красу не отделить от смерти:
Я плотью плачу гонорар.

Шумят на тысячу ладов
Осин закинутые грабли.
Уже скрестили тени сабли,
Перешагнув черту садов.

За садом — стук колёс,
Гуденье стали.
Тот спор, что в ветках рос,
Мы в нём узнали.

О движении

Пойдём. Поговорим
У переправы
О том, на чём стоим
И в чём неправы.

Читатель, мост застыл
Над чёрной бездной.
А сколько встречных сил
В дуге железной!

Сталь держит груз, а груз
Её сгибает.
Взгляни, какой союз
Вражда сплетает.

Не с неба нам судьба
Спускает вожжи.
Внутри вещей — борьба,
Мы с ними схожи.

Вчерашнее внутри
Хранит иное.
Не вырви — разбери,
Где в нём живое.

Пусть хрупок стебелёк —
В нём сила зреет.
Он ищет свой восток,
Пока светлеет.

Пусть камень мнит: «Гранит!
Стою навечно».
А в трещине блестит
Роса беспечно.

Вода свой ход найдёт,
Где глохнут стуки.
А мысль всю жизнь грызёт
Гранит науки.

Познали только край.
За ним — не чудо.
Не верь, а проверяй:
Что? Как? Откуда?

Сверяй любой ответ
С предметом, мерой:
Иначе знанья свет
Погашен верой.

Сумей среди вещей
Увидеть связи.
Не прячь живых людей
В удобной фразе.

Из тела мысль растёт,
Из боли, слуха.
И та же кровь течёт
По жилам духа.

Не хмурься: я пока
Не прочусь в гуру.
Возьмём-ка за бока
Температуру.

Вода копила жар,
И вот — вскипела.
Уже не жидкость — пар:
Сменила тело.

Листва ушла под снег,
Чтоб стать землёю.
И новый встал побег
Над ней весною.

Увидь, куда поток
Несёт поленья.
Свобода — твой гребок
Сопротивленья.

А рабство — плыть вперёд,
Твердя: «Так надо»,
Когда внизу нас ждёт
Обрыв каскада.

Не бойся быть неправ:
Себя исправить
Умней, чем, правду смяв,
Себя прославить.

Читатель, я и сам
Свой сбой призна́ю:
Мной созданным богам
Не доверяю.

Но стоит свой огрех
Вписать в скрижали —
И к стенке ставят всех,
Чьи рты мешали.

Кто мысль зажал в тиски
Партийной власти,
Тот строит из тоски
Чертог для счастья.

Здесь слово — шибболет,
Клеймо породы.
Не так ответил — нет
Тебе свободы.

Пусть нас зовёт вперёд
Надежда века:
Не государству — мёд,
А человеку.

Не лучший век грядёт
В дыму захвата,
Где брат под гимны жрёт
Родного брата.

И требуют: «Encore!»
Из лож с цветами.
Им отвечает мор
Пустыми ртами.

Ждать ли, мой друг,
За чашкой кофе
Мир во всём мире —
Вдруг?
Иль на Голгофе —
Масс харакири,
Жертвенный круг?
В безлюдном мире —
Ни бед, ни мук.

Часть IV

Поэз-Канал

Допит наш кофе. Чай
Заварим крепче.
Читатель, выручай:
Не будет легче.

Мы слышали с тобой,
Как в общем хоре
Победною трубой
Нам глушат горе;

Как рифмою ведут
От уст — к затвору;
Как мёртвые встают
В лад дирижёру.

Но я ещё живой.
И ты тут рядом.
Склонимся над строкой,
Как над снарядом.

Поэз-канал

Не знаю, для чего стихи,
Кому нужны их полувзгляды:
Как воробьи из-под стрехи,
Косятся. Крошке хлеба рады.

Война. У слова нет лица,
Как на затёртом трафарете.
Не воскресить нам мертвеца
Поправкой к утренней газете.

И что нам рифмы? Для чего
Живое слово сберегаем,
Когда от имени всего
Живого — жизни отнимаем?

Кто научил живую речь
О смерти говорить пристойно,
Чтоб можно голову отсечь
И доложить об этом стройно?

Я сам такой. Мне для строки
Сейчас потребуется мёртвый.
Беру: две тонкие руки,
Вихор, смешок, бушлат потёртый.

Он врёт, что бросил. Он свистит
Сквозь щель в зубах мотив дворовый
И матери в письме твердит,
Что сыт, обут, живой, здоровый.

Теперь — приказ. Он мой. Я сам
Веду его из строчки в строчку
К сырым обугленным лесам
И там, где надо, ставлю точку.

Как просто. Оборвался свист.
Перо не дрогнуло. Всё стройно.
Он мёртв. Я цел. И белый лист
Впитал его вполне пристойно.

Один умолк — и там учтут
Его чертой в графе расхода,
А матери преподнесут
Букет от имени народа.

Потом дойдёт его письмо:
Отстал в пути конверт почтовый.
Она прочтёт, присев к трюмо,
Что сыт, обут, живой, здоровый.

А если стих мой промолчит,
Кому достанется молчанье?
Тому, кто в темноте кричит,
Иль тем, кто выдал приказанье?

Я не вложу в остывший рот
Свою отточенную фразу:
Погибший больше не пойдёт
На смерть по моему приказу.

Убитый замолчал.
А стихотворец?
Венчать бы я не стал:
Не чудотворец.

Он скажет: «Встань, иди» —
И всех обманет:
Тот, с точкою в груди,
Уже не встанет.

Одно ему дано
Дурное чудо:
Чужую кровь — в вино.
Не пей оттуда.

Солдату лавр несли.
Солдата нету:
Он стал комком земли.
Несут — поэту.

Он цел. Вины в том нет.
Заслуги — тоже.
Теперь — его портрет.
Гляди построже.

О поэте

Ты с человеком незнаком,
А с ним уже знакома слава:
Она идёт к нему с венком,
Как ходят к мёртвым, — величаво.

Просили подпись. Он рукой
Отвёл и ручку, и бумагу.
Он этим выпросил покой,
А мы увидели отвагу.

Всё реже птицы по утрам
К нему садятся на перила:
Он не выходит к ним. Он там,
Где жизнь — бумага и чернила.

Но слава тянет за рукав
Из-за стола его — к застолью,
Где, позу нужную приняв,
Он станет не собой, а ролью.

Оркестр вылизывает медь,
Герою дня — бокал здоровья.
А он сквозь тосты слышит смерть,
Засевшую у изголовья.

Хвалу и гнев придворных лир
Определяет ранг клиента.
Для них и жизнь, и смерть, и мир —
Лишь повод требовать процента.

Бумага стерпит и разбой:
Чернила всё же не краснеют.
Но ты не путай сор с судьбой:
Не все отбросы землю греют.

Сперва он человек. Потом
Поэт. И гражданин — невольно.
А если орден стал щитом —
Кому под ним бывает больно?

Эзоп не сам надел хомут
На мысль, не сам воздвиг ограду.
И если речь в обход ведут,
Спроси, кто взял её в осаду.

Не всякий тёмный смысл глубок:
Бывает, лестницу убрали,
Обрушив следом потолок, —
И глубиной завал назвали.

Бывает, простота мертва:
Из речи вырезали тело —
И без запинки шли слова,
А человеческое тлело.

Ты — не число, не логарифм,
Что миллион сведёт к шестёрке.
И он за совершенством рифм
Не спрячет дыр на гимнастёрке.

Он пишет тем, что в нём болит,
И платит сам, и в одиночку:
В строке не выйдет жить в кредит,
Чужую боль беря в рассрочку.

Ему ещё домой успеть,
Где ужин третий раз остужен,
Пока не начал бронзоветь:
Там памятник к столу не нужен.

Не может бронза опоздать,
Вздохнуть, смутиться, повиниться,
Ребёнку сказку дочитать
И над уснувшим наклониться.

Читатель, он ещё живой.
Ему неловко в вечной позе.
Ты позови его домой.
Негромко. Ласково. И в прозе.

Часть V

На чём сидим

Теперь поговорим —
Садись удобней —
О том, на чём сидим.
И поподробней.

Я ставил жизнь на ко́н.
И нынче на́ кон
Вновь ставлю — пусть закон
Посадит на́ кол.

Другие же на ко́л
Давно уселись:
Не кол, мол, а престол.
Какая прелесть!

Нас держит страх: а вдруг
Исчезнет стержень?
А вдруг решит весь круг,
Что ты отвержен?

А круг твой — круговерть
Таких же: каждый
Эгоцентризма жердь
Седлал однажды.

Хребет давно молчит:
Кол держит спину.
Осанка — монолит,
Хоть на картину.

Чуть заелозишь — вес
Не ждёт команды:
Ньютóн сильней словес.
Уже по гланды.

А дальше — поворот
На девяносто:
Шампур. И весь народ
На нём — по росту.

Куда судьба послала —
Сказать не стану-с.
Печёт нас жар мангала.
Не светит Янус.

Вот карусель: ты — ось,
Мир — хороводом.
А вертит кто? Небось,
Тот, кто с доходом.

Не винный маринад
Так пахнет сладко:
То на углях шкворчат
Бока достатка.

Привык — и страшно слезть:
Боль стала домом.
Насест — и чин, и честь
В кругу знакомом.

Кудахчут в унисон
Всего Спинозу.
Про жердь — молчок: закон.
Клянут занозу.

Доколе? — До кола́.
Отколе? — С детства.
Покамест плоть цела,
Он — всё наследство.

«Забудь, что знал до нас», —
Сказали в вузе,
Где пухнет, пузырясь,
Престиж в джакузи.

Джакузи — с колой: там,
Под шапкой пены,
Парадигмальный храм
Возводит стены.

Псевдокомфорт. Под ним —
Конфорка. Смолы.
Котёл. И едкий дым
Научной школы.

Вдохнёшь — и поплыло́:
Не пар, а море.
Тебе суют весло —
И ты в наборе.

Профессор — кэп и кок,
И Кук, и Немо.
Он сам себе и бог,
И вся система.

Он хилым кашлем вдул
Свой ветер в парус —
И шлюпку потянул
На новый ярус.

Греби, студент, греби
Спиной и тихо.
Про вход забудь, терпи:
Взят курс на выход.

В зубах весло. В глазах —
Соль с пеной моря.
А вещества в мозгах —
Ни-ни. Ни мо́ля.

Слезу смахнёшь — и вот
Гидролиз соли
На практике. Зачёт —
Твои мозоли.

А вдруг в сетях — улов:
Живой, упрямый,
Не из святых томов,
Не из программы.

В таблицу не вошёл —
Тем хуже факту.
Его под нож. На стол —
Поправку к акту.

Учёного учить —
Есть вызов власти:
Комиссию гневить
Высокой масти.

Из мантии — рука.
В ней ложка: лжица.
Наука свысока
Глядит, как жрица.

Теперь — обряд: встаём
Все на колени.
Просфору — языком.
И ноль сомнений.

И всё — чтоб ты ногой
Своей не мерил
Простор земли нагой,
А теням верил.

Сулят: «Ещё гребок —
И ты на гребне!» —
Протяжно, в потолок,
Как на молебне.

«Оттуда сам, рукой,
Сочтёшь по мо́лю
Всю синь над головой —
И мир, и волю!»

Враньё. Там неба нет:
Одна лишь вата.
В ней тонет даже свет —
И без возврата.

Так плыли у Ватто́
Всю жизнь в Киферу.
А не доплыл никто:
Всех — на галеру.

Комедия дель а́рте:
На вёслах — Вани.
А Доктор спит на карте,
Весь курс — в тумане.

Франчесок, Коломбин,
Пьеро — без счёта.
А Доктор — господин:
Латынь — и квоты.

Пришла чума — и вот
Он, клювоносый,
Решает за народ.
К чему вопросы?

Нарушен договор?
Есть казус белли.
Сгорело? Форс-мажор.
Слова — при деле.

Уже горит стена.
Ожог — на коже.
«Стихия. Не вина».
— А спички — тоже?

Плыл в Индию Колумб,
Плыл к воле, к раю.
А вышел сбитый румб:
Бедлам — без краю.

Не жар, не тиф, не зной —
Нас эльдорадит:
«Дай флот! Дай грант! За мной!
Найдём — всем хватит».

Не Эльдорадо — так
Хоть Сагеней:
Чем гуще в картах мрак,
Тем грант жирнее.

Ты слушал — и уплыл:
Вот мачты, реи,
Вот берег… Ты там был?
Смотри трезвее:

Из досок корабля
Сбивали парту.
«Вон новая земля!» —
Указкой в карту.

А море-то — песок:
Не гребень — дюна.
Песочница. Совок.
Ведёрко. Шхуна.

«Жуй, как Попай, шпинат:
Оксид азота!»
Жуём, что нам велят.
Во рту — болото.

Мы съели весь тефлон —
Теперь скелеты
У нас, как тот тевтон,
В броню одеты.

Ни стыд не пригорит,
Ни факт, ни слово:
Сполоснут — и блестит.
И жарь по новой.

Потом тебя — в раствор:
Гидролиз. Щёлок.
Плоть смоет, как позор.
Обряд недолог.

Кость смелют. Из муки
Спекут просфоры —
И вновь ученики
Встают на хоры.

«Наш опыт — наш закон», —
Твердил нам Бэкон.
Остался лишь бекóн
От человека.

А опыт — он простой:
Земля да глина.
Измерь её стопой —
Вот вся доктрина.

Сидим. А чтоб стоять —
Сойти бы надо.
И страшно, что скрывать:
Вся спесь — бравада.

Скажи: «Мне страшно». Так
И слазят с жерди:
Дрожа. Зато твой шаг —
К земле, ко тверди.

***

Пойдём за дверь. Там сад,
Там каплет с веток.
Ни дождь, ни праздный взгляд
Не ждут отметок.

Я повторю свой шаг,
Сверяя с прежним:
Мой вывод — не маяк
В пути безбрежном.

Чай стынет. По Фурье,
Тепло — наружу.
Иди — и в октябре
Согреешь стужу.

Часть VI

Война

Предисловие

Оставим свет. Насколько видно взглядом,
Лежит, давно изрыта сапогами,
Земля в золе и копоти, и рядом

Дым не из труб — он стелется над нами
Клоками, рваный. И уже неясно
По грохоту над чёрными садами,

Прошёл ли день и прожит не напрасно,
И кто из нас уже судьбой отмечен,
И вправду ль жить на свете так прекрасно.

Здесь каждый куст ободран, изувечен,
И пар из уст не смеет засветиться,
И мир так шумен, тесен — и не вечен.

Нам некогда. И некуда укрыться.
Луна в прорехе туч — как амбразура,
И неба свод над нами затворится.

И входим мы per una selva oscura. [5]

«Февраль. Достать чернил и плакать!»
Борис Пастернак

Смех стих. Остался стих.
Допей. Оденься.
У нас октябрь. У них —
Февраль. Не смейся.

Там пятый год февраль.
Чернила. Слякоть.
Но наш удел — деталь.
Смотреть. Не плакать.

Не клясть. Без громких слов,
Без их гипноза
Понять. Наказ таков.
И без наркоза.

Пойдём теперь со мной.
Ты здесь, читатель,
Не зритель — понятой,
Не наблюдатель.

Эрато, не ходи:
Там всюду стёкла,
А ты боса. Вожди
Дают Софокла.

Есть слово. В нём — свинец.
Всего пять литер.
Сказал — и ты беглец:
Сердит Юпитер.

Война

Пойдём. Ещё вчера
Здесь пахло хлебом.
Теперь сквозь дом — дыра
С холодным небом.

И некуда войти —
Одна ограда.
Попробуй дом найти
В словах доклада.

Ключ в пальцах стал смешон:
Замка не стало.
Он дверью обделён —
Кусок металла.

Я русский. Мне родней
Не тот, кто выше,
А тот, кто меж камней
Дыханье слышит.

Из наших ставок — в ствол —
Приказ вторженья.
И в каждый дом вошёл
Без разрешенья.

Вождь. Бой курантов. Тост.
Салат. Снежинки.
А где-то — бой. Погост.
Блины. Поминки.

Тебе бы мир — в кулак,
В походный ранец.
Но брат — не твой батрак,
Не новобранец.

Боишься чиха. Стол
Длиной с траншею.
В траншею — тех, кто гол,
Ты гонишь в шею.

Чужую юность пьёшь,
Как пьют лекарство:
По роте в день. И всё ж
Дряхлеет царство.

Был срок твой обнулён
Рукой юриста.
Под ноль — и батальон.
По сводкам — чисто.

Частично призван. В строй
Встал весь. Груз двести:
Лишь часть пришла домой.
Всё честь по чести.

Ты крестишь лоб рукой,
Что подписала
Приказ. И: «Упокой…»
Кого? — Немало.

Под пенье литургий
Твой пастырь слово
Шестое — «Не убий» —
Пропустит снова.

Он грех отпустит. Но,
Хоть в позументе, —
Assolver non si puo [6]
Chi non si pente. [6]

Всё ближе чёрный кондор
На дымной сини:
Войной разящий Мордор
Пирует ныне.

Страшней чумы — расчёт,
Где смерть — по смете.
И в нём никто не в счёт —
Ни мы, ни дети.

Зачем сулить нам ад
В загробной сказке?
Ад вышел на парад
Без всякой маски.

Довольно. Всё. Enough.
Но в пустословье
Тот, кто назначен прав,
Не видит крови.

Не стоит упрекать
Прогресс за это:
Мы научились лгать
До интернета.

Кто продал хлеб солдат,
Кто — бинт, кто — каски.
У каждого — мандат,
И нет огласки.

По обе стороны
Окопной глины
Не люди им нужны —
Винты машины.

Не серп, не молот — Молох.
Он жнёт не нивы.
Ему — не хлеб, а порох.
Ma siamo vivi. [7]

Чужого — под огонь,
Сынка — на виллу.
Вверху — ладонь в ладонь,
Внизу — в могилу.

У денег нет знамён —
Есть знак валюты.
И каждый продан стон
По курсу смуты.

Кому война? Cui bono?
Кого убило?
В отчёте — «без урона»:
Не жгло. Не ныло.

Сирены гнусный вой
Застрял в гортани.
Прожектор — крик немой
На чёрной ткани.

Прохожий — тёмный лик
В оправе дыма.
К пустой стене приник
И смотрит мимо.

И ветер мнёт плечо,
Полощет ворот.
Всё кончилось. Ещё
В нём тлеет город.

То хрустнет под ногой,
То чавкнет глина.
Здесь дышит под золой
Вся Украина.

В овраге — выпускник.
К земле — губами.
А сверху — чей-то крик:
«Победа с нами!»

«Напрасно». «Для чего?» —
И вновь: «Ужели?»
«Забудь» — о том, кого
Мы не отпели.

Вонзаются в висок
Не только пули:
Ребяческий носок,
Очки на стуле.

От дома — только прах
И груды хлама.
И мёртвый сын — в руках
Врагов Приама.

Разбить — была бы рать.
Умножь стократно —
И всё же не собрать
Сынов обратно.

Во двор привозят гроб.
И мать немеет.
Она целует лоб.
Он не теплеет.

О, родина, не счёт
Веди — запомни
Того, кто не придёт
Ни в сад, ни в дом, ни…

Нас много. Разный рот,
Различны речи;
А горе всех берёт
За те же плечи.

Нас учат не болтать,
Не верить другу.
На ближнего — писать.
Стучать по кругу.

Весь дом — в один баул.
Сбежать успели.
А в городе — лишь гул,
Где прежде пели.

Не распакован быт
В чужом чулане.
Весь прежний мир закрыт
В том чемодане.

Здесь каждый — вновь Улисс,
Но нет Итаки.
Огни вдали слились
В чужие знаки.

В окошке — страж-циклоп:
Сверяет лица.
«Ты кто?» — «Никто». И — стоп.
Печать. Граница.

В тылу у нас уют.
Тут по привычке
Что вслух произнесут —
Берут в кавычки.

Здесь ужин подадут,
А фоном — сводка.
«Сто двадцать…» — «Соль вон тут.
Нагрелась водка».

«Не трус я — я хитёр:
Я жду. Кунктатор».
Пока ты ждёшь, топор
Острит диктатор.

Лежащий зол: ему
Стоящий рядом —
Укор. И потому
Он брызжет ядом.

Чужой костёр. Тепло.
«Не знаю» — трижды.
Ещё не рассвело.
Петух, что спишь ты?

Качок в спортзале — бог:
Играет силой.
А там любой порог
Грозит могилой.

В Елабугу — не путь:
Не путь — прощанье.
Побудь живым. Побудь.
Хотя б дыханьем.

Нет слова «победю»
У русской речи:
Есть «мы». Есть «я убью».
И «я отвечу».

Кто враг — решат за нас
И скажут: «Fatum».
Не разлучит приказ
С убитым братом.

«Врагу — ни слёз, ни ям!» —
Указ Креона.
Стих — горсть. Не холм. Не храм.
Горсть Антигоны.

Не отдавай им власть.
Не падай ниц.
Не в ноги и не в пасть
Вождей. Убийц.

Не отделить мук*и́*
От м*у́*ки. Хлебом
Запахнет — вопреки.
Под тем же небом.

«Хлеб наш…» — и строй, с ног*и́*
Сбиваясь: «…д*о́*лги
Остави нам». — Долг*и́*
Длиннее Волги.

Эпилог

Не жить же мне в зубах
У Минотавра!
Молюсь — а на губах
Всё привкус лавра.

Шепчу: «Я чист душой,
Подайте премий!»
А чудо — ни ногой:
Не то, мол, время.

Нет, я не увильну.
Но как не сбиться
В раскинутом плену
Своих амбиций?

Сам фимиама ждал —
А ладан дали.
Ещё и не упал —
Уже списали.

К чему словесный блеск?
Блестит и слякоть.
В живом — и хрип, и треск,
И сок, и мякоть.

Вся эта поросль слов,
Весь этот выгиб —
«Вечорась» от дедов —
Чтоб сок не выкип.

Грех — мой. Вина — моя.
А ты в ответе.
Тебе — епитимья:
Все дебри эти.

Попробую сберечь,
Пока живу я,
Не выучку, а речь
Свою, живую.

Не вылечить стихом
Больные ноги.
И встретят лишь смешком
Мои тревоги.

Здесь можно помолчать.
Я сам не знаю,
Как лучше утешать.
Давай — по чаю.

Мне нужен не поклон,
А взгляд без лести.
Не я тебе закон —
Нам думать вместе.

Вино развяжет рот.
Пусть мелет. Ладно.
А руку пусть ведёт
Нить Ариадны.

Пирр победил. Цена —
Остаток силы.
Мне слава не нужна
Ценой могилы.

Не всё, что я сберёг,
Тебе пригодно.
Переступи порог —
Дыши свободно.

Мне осень всех милей,
Когда раздета:
До веток, до полей,
До силуэта.

Поднимем край чадры
Над мхом-фланелью:
Оттаяв до поры,
Лес пахнет прелью.

На рыжиках — стеклом —
Ледок. Застыло.
День потянул теплом —
И всё поплыло.

Здесь холодок так наг,
Так чист, так явен,
Что всякий громкий знак
Ему не равен.

Я стружку со стола
Смахнул рукою;
И жизнь сама вошла
В тот дом, что строю.

Герой мой не пророк
И не воитель.
Не свят и не жесток —
Обычный житель.

Не мачеха ль страна,
Коль жжёт, не греет?
Мне родина нужна,
Что нас жалеет.

Дед — внук. Кремень и жар.
Друг друга носим.
И, отдавая дар,
Назад не просим.

Семья — архипелаг
В морях разлуки.
И каждый здесь — маяк:
Свет. Голос. Руки.

Живи! Иначе грудь
Займут не черти:
Ты сам себя чуть-чуть
Уступишь смерти.

Пора прощаться. Свет
На край страницы
Упал. Ещё не спет
Мотив синицы.

Эрато, рассвело.
Иди. Не знаю,
Найдёт ли, как нашло.
Не обещаю.

Читатель, я принёс
Весть с края ада.
Прими её всерьёз.
Наград не надо.

Прощай. Кто ты такой,
Я знаю, кстати:
Совсем не понятой —
Ты друг-читатель.

Пусть оборвётся стих,
Не жизнь земная.
Не заглушай живых,
Их воспевая.

Послесловие

Откроем дверь. Насколько видно взглядом,
Лежит, ещё не тронутый шагами,
Глубокий первый снег, и где-то рядом

Дымы из труб застынут над домами,
Прямые, как стволы. И станет ясно
По тишине над белыми садами,

Что день прошёл и прожит не напрасно,
Что свет в окне за нами не погашен
И жить на свете всё-таки прекрасно.

Там каждый куст, как к празднику, украшен,
И пар из уст взлетит и заискрится,
И мир так тих, огромен и не страшен.

Никто из нас не станет торопиться.
Мы подождём, чтоб тучи поредели,
И купол неба настежь отворится.

И выйдем мы a riveder le stelle. [8]

GV

Вложенный лист

Шило на мыло

Пришёл домой. Вода.
Ладони. Мыло.
Смываю, как всегда,
С перстов чернила.

Весь день строчит перо,
Острей, чем шило.
Но к ночи и оно
Идёт на мыло.

Смыть буквы — полбеды.
А чем их смыли?
И чьи ещё следы
В душистом мыле?

В основе — горсть золы.
Сначала — щёлок,
Жир — в медные котлы…
Чей был посёлок?

Из той же и поташ.
Он шёл на порох.
Набит им патронташ
Под детский ворот.

Свободы аромат?
Не ветер — сода.
Не озеро, а чад
От дымохода.

Мы думали, нас ждёт
Святая родина.
Она живьём толчёт
Нас, как смородину.

Мальчишка. Лес. Июль.
И рот черничен.
Морг…нул — и ливень пуль.
Отчёт безличен.

Пилат, как прежде, мыл
Ладони. Мыло —
Из наших тел и жил.
И пахнет мило.

Закончив свой процесс,
Избрал пилатес.
И хором поэтесс
Воспет он gratis.

Чернил я не отмыл,
Хоть ты рассыпься.
Что сам я начертил,
Quod scripsi, scripsi. [9]

К отдельным строкам

Примечания

1 *Вступление*

Nun gut, wer bist du denn? — «Так кто же ты?» Гёте, «Фауст».

2 *Вступление*

«Здесь лежит тот, чьё имя написано на воде» — эпитафия Джона Китса (1795–1821).

3 *Вступление*

«Всё, что видим мы, — лишь сон во сне». Эдгар По, «Сон во сне».

4 *Встречные силы*

«Вновь увидеть звёзды» (итал.). Данте, «Ад», XXXIV, 139: выход из подземного мира.

5 *Война*

«…в сумрачный лес» (Данте, «Ад», песнь I).

6 *Война*

«Нельзя отпустить грех тому, кто не раскаялся» (Данте, «Ад», песнь XXVII).

7 *Война*

«Но мы живы» (итал.).

8 *Война*

«…чтобы вновь увидеть звёзды» (Данте, «Ад», последняя строка).

9 *Шило на мыло*

«Что я написал, то написал» (лат.) — ответ Пилата первосвященникам (Ин. 19:22).

Конец цикла

ЦиклOFF

Георгий Веник

georgevenik.com

© Георгий Веник, 2026